

ЗОЛОТАЯ УНЦИЯ

ВЛАДИМИР СЕМЁНОВ

18+

Владимир Семёнов

Золотая уncia

<https://litres.ru/74297789>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ты — никто. Беспризорник с городской свалки, чей зуб выбили в драке за объедки. Но когда ты находишь среди медицинских отходов странный золотой зуб и вставляешь его вместо выбитого, твоя жизнь перестаёт быть только борьбой за выживание. Вместе с чужим зубом в тебя вселяется она — Эвелин Кросс, гениальный манипулятор, погибшая при загадочных обстоятельствах сорок лет назад. Она обещает тебе власть, учит превращать врагов в пешек, а страх — в валюту. Ты поднимаешься с самого низа. Но золото холодит десну не просто так. Ты перестаёшь чувствовать боль, страх, а затем и радость. И только когда на горизонте появится её бывший протеже, ты поймёшь: этот зуб ждал тебя не случайно. И за всё придётся платить.

Владимир Семёнов

Золотая уncia

Глава 1.

Дождь за окном висел, гонимый ветром почти горизонтально. Капли разбивались о стекло сорок четвертого этажа беззвучно, как помехи на экране. Эвелин ничего не слышала: ни вентиляции, ни шагов секретарши, ни собственного дыхания. Мир снаружи оставался только картинкой.

Минуту назад она машинально открыла ящик стола и наткнулась на старую фотографию. Ей тридцать. Она стоит рядом с мальчишкой из трущоб, которому дала первый шанс. Глаза голодные, а у него испуганные и преданные. Она перевернула снимок лицом вниз и задвинула ящик.

Теперь она стояла у панорамного окна, почти касаясь лбом стекла, и смотрела в трейдинговый зал.

Там шла беззвучная война.

Сквозь стеклянную стену ей было видно всё: терминалы, мониторы, искажённые лица. Трейдеры в расстёгнутых рубашках метались между столами. Они кричали, она видела открытые рты, вздутые вены, но стекло съедало звуки. Только пол дрожал от топота и гудящих принтеров.

Эвелин перевела взгляд на табло.

Золото. Фьючерсы. GC-F.

Цифры падали, как ртутный столб в вакууме. Минус восемь. Минус двенадцать. Минус девятнадцать процентов за шесть минут. Рынок не обваливается сам, его обваливают. Кто-то играл на понижение с такой яростью, что весь сектор пошёл вразнос.

Она заставила себя замереть.

Паника — это дорого. Главное, понять, найти закономерность. Вот ордер на продажу, ещё один, каскад. Слишком быстро, слишком точно. Так быют наверняка.

Знакомый почерк.

В груди шевельнулся холод узнавания. Она уже видела эту манеру: агрессивную, с короткими позициями в самый неудобный момент. Так действовал только один человек. Тот, кого она учила. Тот, кому отдала ключи от всех дверей. Тот, кто только что смотрел на неё с перевёрнутой фотографии.

Её пальцы сжались в кулак.

На столе лежал античный слиток, единственная вещь, неподвластная биржевым сводкам. Римское золото, тёплое, ноздреватое, с едва читаемым профилем императора. Оно не исчезнет с экрана, не обнулится.

Телефон завибрировал без звука, лишь красный огонёк и жужжание по полированному дереву. Она не обернулась. Знала, кто звонит. Знала, что он скажет. Даже интонацию помнила — ту самую, с которой он пятнадцать лет назад,

мальчишка из трущоб, впервые сказал: «Я понял. Я смогу».

Она не взяла трубку.

Табло показало новый минимум. Внутри, под слоем ледяного спокойствия, поднялось что-то обжигающее. Её переиграли. Впервые в жизни.

Дождь за стеклом всё висел. Пол дрожал чаще. Где-то под рёбрами проснулась тупая пульсация, будто сердце вспомнило, что оно не золотое.

Она отвернулась от окна. Стеклянная дверь ушла в паз с глухим толчком. Замок защёлкнулся беззвучно, но дрожь отдалась в пальцах.

Эвелин опустила жалюзи. Металлические ламели легли одна на другую, отсекая зал, табло, панику. Мир снаружи исчез. Остался кабинет: стекло, сталь, дерево и золото на столе.

Она повернулась.

Слиток лежал в центре столешницы, без подставки и бархата. Неровный брусок, хранивший форму древней глиняной формы. Приглушённый свет ложился на него полосами, и металл отвечал глубоким, почти подкожным свечением.

Она подошла. Каблук утонул в ковре, звук пропал, и эта тишина показалась оглушительной. Пол больше не вибрировал. Даже дождь за окном замер.

Грудь сдавило.

Сперва просто неудобство под левой лопаткой, будто туда засунули что-то холодное. Затем холод превратился в давление, давление в жжение, и жжение поползло к локтю, к запя-

стью, к мизинцу. Она знала этот маршрут. Так идёт инфаркт.

«Не сейчас. Ты не умрёшь на дешёвом ковре, как клерк. Не умрёшь, пока рынок открыт».

Она протянула руку. Пальцы сомкнулись на слитке, и боль отступила на полшага. Металл был тёплым, не от лампы, он лежал вдали от окна, но хранил тепло, будто чьё-то тело. Запах слабый, железистый, с оттенком старой меди и сухой земли. Одна грань оказалась острее других и впилась в ладонь.

Аи. Семьдесят девятый элемент. Не горит, не гниёт, не предаёт.

В висках застучало. Она поднесла слиток к лицу. В мутной поверхности угадывался её собственный глаз: зрачок расширен, белок красноватый. Отражение дрожало, и она не сразу поняла, что дрожит не картинка, а её рука. Или сам слиток пульсирует в такт пульсу. Она уже не различала, где металл, а где плоть.

— GC-F, — прошептала она.

Губы двигались беззвучно, но она чувствовала вибрацию гортанью, ключицами, пальцами, сжимавшими золото. Последняя молитва.

Боль вернулась ударом. Челюсть свело, левая рука онемела. Правой она прижимала слиток к солнечному сплетению, туда, где жгло сильнее всего. Золото казалось горячим. Или она остывала, а металл оставался живым.

Колени подогнулись. Она опустилась, не упала, а именно

опустилась, контролируемо, как в храме, и прижалась лбом к столу. Слиток был зажат между ладонью и грудью и пульсировал вместо сердца.

Дождь за окном сорвался и полетел вниз, но она уже не видела. Тьма под веками стала плотной, тесной. Последним, что пронеслось в сознании, было странное ощущение: золото наконец ответило на пожатие.

Мир исчез. Сердце остановилось, она поняла это по отсутствию. Тишина стала глубже. Пульс, который она ощущала всю жизнь в висках и запястьях, смолк.

Осталось только золото. Твёрдое. Вечное.

Она потянулась к нему мыслью, волей, последним импульсом без названия.

Не молитва, сделка. Не бегство, расчёт. Перетечь в единственный сосуд, который не предаст.

И она перетекла внутрь, в сжатие, в плотность.

Тьма сомкнулась и разомкнулась снова, но иначе.

Тела не было. Только давление, всестороннее, плотное. Она была окружена металлом, спелёнута им.

Темнота. Тепло. Тишина.

И в тишине далёкий отголосок: «GC-F...», как пластинка на последней дорожке.

Жива или мертва, она не поняла. Секунда или столетие, не различила.

Она знала только одно: она здесь. Она внутри.

Слиток принял её.

Глава 2.

Холод разбудил Егора раньше света.

Серый рассвет сочился сквозь щели в стенке контейнера. Егор лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к дыханию остальных. Рядом, на куче тряпья, спал Жека, дышал ровно, с присвистом. Ещё двое пацанов, Мелкий и Рыло, свернулись в углу под одним драным одеялом. Из рта шёл пар.

Егор осторожно сел. Тело ныло: ночью он спал на боку, на голом железе, поджав под себя старую куртку. Пальцы на ногах онемели. Растёр их через дырявые носки, покосился на Жеку. Тот не шевелился.

В углу, под перевёрнутым ящиком, у Егора был тайник. Вчерашняя добыча: горсть алюминиевых крышек, десятка два. Мелочь, но на полбуханки хватит.

Потянулся к ящику и замер.

Крышек не было.

— Проснулся, — раздалось сзади. Голос у Жеки был хриплый, довольный.

Егор обернулся. Жека сидел на тряпье и скалился. В руке, та самая горсть крышек.

— Ты чё по ночам шмонаешь, — сказал Егор. Голос дрог-

нул. Хотел, чтобы вышло жёстко, вышло жалобно.

— А ты чё по ночам прячешь, — лениво ответил Жека.
— Ты ж в моём контейнере спишь, Коготь. За аренду.

Пересчитал крышки на ладони, демонстративно. Сунул руку под тряпье и вытащил обгрызок чёрствой булки.

— На. Жри. Премия за труды.

Булка шлёпнулась на железный пол.

Егор смотрел на неё. Смотрел на Жеку. Тот ждал. За его спиной Мелкий и Рыло уже проснулись, наблюдали молча, не вмешивались. Смотрели, что сделает Коготь.

Нагнулся. Поднял булку. Оттряхнул от железной крошки.

— Вот и славно, — сказал Жека. — Не ссы, сегодня ещё принесёшь.

Егор откусил. Жевал медленно, не чувствуя вкуса. В животе было пусто, но злость заполняла эту пустоту быстрее, чем хлеб.

Думал о том, что Жека сильнее. Что бить в ответ, дурость. Что пока надо терпеть.

Но ещё он думал о «медицинке».

Туда старшие почти не совались, боялись заражения, игл, химии. Егор не боялся. Тошнило, да, но не боялся. Если найти что-то ценное, настоящее, не алюминий, можно сдать не Жеке, а сразу барыге. И тогда уже не «за аренду». Тогда своё.

Доел булку. Вытер рукавом рот.

— Пойду, — сказал ровно.

— Давай-давай, — отозвался Жека, уже теряя интерес. —

Тащи.

Вылез из контейнера наружу. Мелкий дождь ударил в лицо. Где-то за кучами мусора тлел костёр, дым стелился низко, мешаясь с туманом. Пахло гарью, гнилью и чем-то сладковатым, так пахла «медицинка» даже издалека.

Постоял, привыкая к холоду. Язык нащупал пустую лунку в десне. Сплюнул под ноги и пошёл к дальнему сектору. У него не было еды. У него не было силы. Но была злость, холодная, как рассвет.

Медицинский сектор начинался за ржавым остовом сгоревшего грузовика. Здесь пахло иначе, хлоркой, карболкой, сладковатой гнилью, от которой першило в горле.

Егор перешагнул через битую ампулу. Стекло хрустнуло под кедом. «Осторожнее», мелькнуло в голове. Натянул на руки тряпки, две старые футболки, найденные по дороге, обмотал ладони до запястий. Не защита, но хоть что-то.

Мешки лежали кучей, сваленной с самосвала. Жёлтые, с красными бирками «Класс Б». Егор знал: в таких хирургия, стоматология, процедуры. Самое жирное. Самое опасное.

Присел на корточки. «Дыши ртом. Не вдыхай носом», приказал себе. Мелкий дождь барабанил по пластику, стекал по лицу, смывал запах с верхней губы.

Первый мешок. Разорвал. Бинты, бурые, слипшиеся в ком. Отбросил.

Второй. Пластиковые лотки, пара пинцетов, ржавые. Не ценятся.

Третий. Шприцы. Много. Осторожно, двумя пальцами, отодвинул их в сторону. Игла вошла в тряпку, но не достала до кожи. Пронесло.

Азарт подстёгивал. Как всегда на «медицинке»: брезгливость отступала, когда внутри включался охотник. Где-то здесь есть металл. Должен быть. Всегда есть. Плохо лежит, неучтённый, списанный.

Запустил руку глубже. Пальцы прошли сквозь слой мокрой ваты, наткнулись на что-то твёрдое. Алюминиевый лоток. Вытащил, пустой. Отбросил.

Ещё глубже. Ещё один мешок. Этот был перевязан узлом. Пришлось рвать зубами: тряпки на руках мешали. Узел поддался с треском.

Внутри бумага. Вощёная, плотная, не промокшая. Свёрток. Маленький, с пол-ладони. Взвесил в руке. Тяжёлый. Не алюминий.

Развернул бумагу осторожно, как фантик от конфеты, которую нельзя уронить в грязь. Внутри, на белой марлевой подкладке, лежал зубной мост.

Три зуба на золотой пластине. Настоящее золото, не напыление, не латунь. Тёплого отлива, матовый блеск даже в сером свете дождливого утра.

Егор замер. Сердце стукнуло сильнее. Оглянулся: никого. Свалки, кроме дождя и дыма, не было.

Провёл большим пальцем по золотой дуге. Гладкая. Тяжёленькая. Граммов пять, а то и семь. Если сдать барыге...

Сглотнул слюну, смешанную с привкусом хлорки. Не здесь. Не сейчас. Быстро, почти не дыша, завернул мост обратно в бумагу, сунул за пазуху, под толстовку, поближе к телу. Подальше от Жеки. Подальше от всех.

Встал. Ноги затекли. Дождь усилился. Пора уходить.

Отошёл за остов грузовика, где не так воняло, и сел на корточки. Здесь было тихо, только капли стучали по ржавому железу. Вытащил свёрток из-за пазухи. Развернул. Золотой мост лежал на мокрой бумаге и смотрел на него тремя мёртвыми зубами.

Потёр золото большим пальцем. Грязь сошла, и металл засветился глубже, не блестел, а именно светился изнутри, как уголёк. Проба видна: девятьсот шестнадцатая. Егор такие уже находил, но мелочь, коронки, обломки. А тут целый мост. Хороший.

Взвесил находку на ладони. Граммов шесть. Может, семь. Если сдать барыге по нормальной цене, хватит на неделю еды. А если поторговаться, на две.

Но барыга обманет. Всегда обманывает. Скажет, пять граммов, а не семь. Или проба не та. Или просто отнимет: «ты мне ещё должен, пацан». И пойдёшь доказывать.

Показать Жеке? Отберёт и спасибо не скажет. Скажет, плата за место, и будешь рад, что не побил.

Покрутил мост в пальцах. Пластина гнутая, под челюсть. Штырьки: один обломан, один погнут, один целый, ровный, острый. Потрогал целый штырёк. Крепкий.

Язык привычно ткнулся в дырку в десне. Полгода назад выбили. Жека и выбил, за то, что Егор огрызнулся. Бил по лицу, пока кровь не пошла. Зуб вылетел, и с тех пор дырка ныла на холоде. Егор привык. Но иногда, когда жевал, язык сам туда лез, как будто искал, не вырос ли новый.

Поднёс мост ко рту. Примерил. Холодный металл коснулся десны.

Штырёк вошёл в лунку почти идеально. С тихим стуком. Золотая пластина легла на челюсть, как будто её всегда там не хватало. Замер с открытым ртом. Прикусил. Держится. Не шатается.

Кончик языка онемел. Не сразу, а спустя пару секунд, будто прижгли. Егор провёл по нему пальцем: кожа чувствовала прикосновение, но сам язык, ничего. Ни тепла, ни холода. Только золото у десны осталось тёплым.

И вдруг покалывание. Не от холода. Холод был снаружи, от дождя. А это изнутри. Из десны, из челюсти, вверх, к виску. Как будто что-то коснулось его, острое, ледяное, живое.

Вздрогнул. Хотел вытащить мост, но рука не поднялась. Покалывание прошло по всей челюсти и затихло. Остался только холод. И тишина. Даже дождь будто стал тише.

Провёл языком по золоту. Металл нагрелся. Или это десна нагрелась. Пальцы, которыми он держал мост, дрожали, но не от холода. От чего-то другого.

Сжал челюсть. Золото сидело крепко. Чужое, но своё.

Он не знал, почему так сделал. Просто подвернулось. Про-

сто дырка болела. Просто золото, оно дорогое, во рту надёжнее, чем в тайнике. Никто не найдёт. Никто не отнимет.

Сплюнул на землю, слюна с привкусом металла. Встал. Голова кружилась слегка, но это, наверное, от голода. Или от запаха «медицинки». Или нет. Не стал думать. Думать было некогда.

Смеркалось. Свалка меняла цвет: горы мусора из серых становились чёрными, и только в низинах, где жгли костры, дрожали оранжевые пятна. Шёл быстро, пригибая голову от ветра. Грязь хлюпала под кедами. Пахло гарью, мокрой золой и чем-то кислым.

Золото сидело во рту плотно. Он всё время трогал его языком, не специально, само получалось. Холод из металла ушёл. Теперь зуб был тёплый. И этот холод перебрался куда-то глубже, в челюсть, в висок. Не больно. Странно.

Надо решить, куда прятать. В тайник под ящиком, найдёт Жека. В карман, выпадет. Во рту надёжнее. Но если кто заметит, спросят. Особенно если блеснёт. Провёл языком по золотой пластине. Ничего. Не блестит. Язык шершавый, золото гладкое.

Навстречу попалась тележка. Двое мужиков везли битый кирпич. Один глянул на Егора, плюнул. Егор прошёл мимо, не поднимая глаз. Но перед тем как отвести взгляд, заметил: кирпичей на тележке тридцать четыре. Он не считал. Цифра просто встала перед глазами, как строка в терминале. Егор споткнулся, выругался про себя и пошёл дальше.

Потом увидел Зойку.

Она шла от колонки с ведром. Вода плескала через край. Светлые патлы торчали из-под платка. За левую щёку держалась тень, тот самый ожог, который она прятала, но не очень. Зойка посмотрела на Егора. Просто посмотрела. Дольше, чем обычно. Как будто заметила что-то.

И вдруг улыбнулась. Коротко, одними губами, устало, но без страха. Будто знала про золото. Будто вообще всё про него знала.

— Носи, — сказала она тихо, почти беззвучно, и перехватила ведро замёрзшими красными пальцами.

Егор замер. Но Зойка уже прошла мимо. Только брякнула ведром, и вода плеснула через край.

Одновременно с этим золото во рту дёрнулось, не к ней, а от неё. Как живое. Его передёрнуло. Он прибавил шаг.

Она не окликнула. Воду она носила в свою общину, к больным. Странная. Возится со слабыми. А толку? Сдохнут, другие придут.

Почти дошёл до контейнера, когда остановился. Прислушался. Внутри что-то гудело. Не снаружи, внутри него. В челюсти. В голове. Снова провёл языком по золоту. Покалывание вернулось. И оно было ритмичным. Как пульс. Тук-тук. Тук-тук.

Прижал палец к запястью. Тук. Не совпадает. Его сердце билось быстрее. А это медленно, ровно, жёстко. Чужое.

Надо бы испугаться. Но страха не было. Только холод, и

с ним странное, неиспытанное чувство: будто кто-то рядом, кто больше не даст в обиду.

Замер. Перед глазами ничего не было. А потом вспышка. Короткая. Как разряд. Синие глаза. Холодные. Не его, он таких никогда не видел. Они смотрели прямо в него. И пропали. Вместо них падающие цифры. Столбцы. Стрелка вниз. График, как на экране, только без экрана. В голове.

Моргнул. Изображение исчезло. Остался только пульс в челюсти и холод в виске.

Стоял, не дыша. Золото во рту молчало. Но он знал: это не просто зуб. Что-то там было. И оно проснулось.

Где-то далеко, на краю свалки, за горами мусора, раздался короткий звон, как от удара по рельсу. Егор прижал ладонь к челюсти. Звон стих. Но не исчез, затаился. Что-то отозвалось на пульс золота. Что-то, что ждало две тысячи лет.

Глава 3.

Егор бежал. Рваный кед скользил по мокрому бетону, сердце колотилось где-то в горле. Он не помнил, как вырвался из контейнера. Помнил только хруст, свой собственный зуб, выбитый сапогом Жеки. Помнил вкус крови на губах, солёный и горячий. Помнил лицо Жеки, спокойное, даже скучающее, когда тот бил его, не со злостью, а так, как от-

швыривают надоевшую собаку.

Теперь он нёсся через пустырь, подальше от полигона. Ноги сами вынесли его к старой котельной, бетонной коробке с провалившейся крышей и чёрными глазницами окон. Забрался внутрь и забился в угол, прижав колени к груди. Здесь воняло мочой, ржавчиной и старым машинным маслом, но здесь было тихо. И Жека сюда не совался.

Егор обхватил голову руками. Перед глазами всё ещё стояло лицо Жеки, и внутри дрожала мелкая, унижительная дрожь. Зуб, тот самый, что Жека выбил когда-то, его лунка пульсировала болью.

А потом он вспомнил. Золотой мост. Он же нашёл его. В медицинских отходах. Тяжёлый, тёплый. И вставил в пустую лунку, просто так, от безысходности, от глупой надежды, что золото во рту сделает его хоть немного значимее. Язык привычно ткнулся в металл.

Тьма. Не просто отсутствие света, а давление. Плотное, всестороннее. Она была залита в форму, которая на размер меньше. Тепло и влажность пронизывали её, и сквозь них пробивался чужой, ритмичный стук.

Тук. Тук. Тук.

Пульс. Не её.

Мысль о себе пришла не сразу. Сначала было только это биение, проходящее сквозь каждую частицу того, чем она стала. Затем слово. «Я». Затем вопрос: «Где я?»

Она попыталась открыть глаза, вдохнуть, пошевелиться.

Ничего не было. Ни глаз, ни лёгких, ни тела. Только жажда, давление и этот бесконечный пульс. Паника поднялась волной, но разбилась о внутренний приказ. Эвелин Кросс не поддаётся панике. Даже теперь. Даже здесь.

Она заставила себя думать. Смерть. Она помнила смерть. Кабинет, табло с падающими цифрами, Виктор, слиток в руке, последний приказ: «В тебя». И темнота.

Теперь она внутри слитка. Но слиток изменился, он выгнут, расплюснут, повторяет чью-то анатомию. Касается чего-то мягкого, влажного, живого.

Рот. Она во рту.

Первой попыткой заговорить она вытолкнула символы: тикер, цифры, красную стрелку вниз. В ответ лишь спазм страха. Мальчик не понял. Её язык не был его языком.

Тогда она перешла на его уровень. Голод, тупая, ноющая пустота в его животе, был самым простым. Она приглушила его, наложив воспоминание о холодных устрицах и вкусе металла на губах. Мальчик перестал думать о еде. Холод, его закованные пальцы, она согрела теплом, сохранившимся в кристаллической решётке за две тысячи лет. Он перестал дрожать. Страх, самый сложный, многолетний, вбитый в каждую мышцу, она начала переписывать в злость. Он перестал втягивать голову в плечи.

Она чувствовала, как он замер, прислушиваясь к себе. Его сознание, мутное и голодное, сфокусировалось внутрь.

— Кто ты? — прозвучала мыслеформа, полная изумле-

ния.

Вместо ответа она послала в точку касания золота с десной слабый, чёткий импульс тепла. Присутствие. Я здесь.

Он не выплюнул золото. Контакт висел на волоске.

Она ждала. Пусть привыкнет. Пусть убедится, что тепло не угроза.

И только когда его дыхание выровнялось, она вложила в импульс имя. Не «Коготь». То, которое дали до того, как он стал никем.

— Егор.

Он дёрнулся как от удара. Челюсть сжалась, язык упёрся в золото, готовясь вытолкнуть его. Ужас. Он не ожидал, что она знает. Этого имени не произносил никто с тех пор, как мать отвела взгляд на вокзале.

Шок был таким сильным, что он перестал замечать происходящее вокруг. А зря.

— Эй, Коготь! Ты чё, оглох?

Голос был скрипучим, полным ленивого презрения. Хорёк. Один из шакалов Жеки. Он возник из-за ржавого контейнера вместе с другим пацаном, которого называли Гвоздь. Егор вздрогнул. Сердце, только начавшее замедляться, снова пустилось вскачь. Он был так поглощён голосом в голове, что забыл главное правило свалки: никогда не терять бдительности.

— Жека велел узнать, чё ты там в «медицинке» нашёл, — Хорёк прищурился, обходя Егора по дуге. — Он слышал, ты

оттуда какой-то металл унёс. Говорят, золото.

В тусклом свете фонаря блеснула монтировка в руке Гвоздя. Хорёк подходил ближе, и Егор чувствовал запах грязной одежды и дешёвого табака. Воздух стал вязким, пропитанным угрозой. Каждый мускул в теле Егора напрягся до предела. Инстинкт кричал: «Беги!» Но внутренний голос, тот, что был старше и холоднее, приказал замереть.

Эвелин ощутила выброс адреналина. Пульс носителя подскочил до ста двадцати. Челюсть сжалась. Язык упёрся в золотой мост. Он собирался бежать или врать, и то и другое было бы фатально. Бегство означало бы признание. Ложь, сказанная дрожащим голосом, была бы слишком очевидной.

— Спокойно, — её голос разрезал панику, как скальпель. — Ты не жертва. Ты актив. Дорогой актив. А они просто помехи. Ответь им. Ровно. Холодно. Без страха.

Егор сглотнул. Ровно. Холодно. Он ещё не знал, как это, говорить без страха, когда внутри всё дрожит. Но она знала. И он послушался.

— Пусто там, — произнёс он, и собственный голос показался ему чужим. — Один мусор. Иглы, бинты. Хочешь, сам проверь.

Он смотрел Хорёку прямо в глаза. Не вызываяще, а спокойно, без тени страха. Так, как смотрела она. Хорёк опешил. Гвоздь переглянулся с ним.

— Чё ты сказал? — переспросил Хорёк, и его голос дрогнул. Он не ожидал такого отпора от вечно затравленного

Когтя. Эвелин почувствовала, как его гнев сменяется неуверенностью, а страх перед Жекой, который послал его сюда, начинает перевешивать желание выслужиться. — Ладно, Коготь. Мы ещё вернёмся, — буркнул он и, подтолкнув Гвоздя, исчез за контейнерами.

Егор медленно выдохнул. Он не бежал, не врал, не умолял. Просто сказал правду, и они ушли. Это было нечто новое. Нечто, что работало.

Эвелин молчала, но он чувствовал исходящий от неё холод, не враждебный, а утвердительный. Урок был преподан. Теперь он знал, что её советы не просто слова. Это инструмент. Оружие.

Он вернулся в своё убежище, бетонную нору в развалинах старой котельной. Здесь было темно, но темнота больше не казалась враждебной. Он сел, привалившись спиной к холодной стене, и прислушался. Тишина. Только капли где-то глубоко в подвале. Только ветер снаружи, перебирающий ржавые листы железа. И холод. Её холод. Он стал почти привычным.

Теперь обещание. Она взяла его злость, голод, унижение и сплестила в один импульс. Сжала в тиски. А потом показала обратное: силу, сытость, спину, которая не гнётся. Видение было коротким, как вспышка молнии, но Егор успел увидеть себя, не затравленного, не голодного, а стоящего во весь рост. Грязного, но несломленного. С золотом во рту, которое больше не было проклятием, а стало короной.

И вместе с этим видением пришло тепло, не её, а его собственное. Он почувствовал, как расправляются плечи, как перестаёт ныть пустой живот, как исчезает дрожь в пальцах. На секунду он забыл, что сидит в бетонной норе. На секунду он был не Когтем. Он был Егором.

А потом пришло другое. Женщина. Та самая. Она стояла у окна, за которым горели огни, слишком яркие, слишком высокие, нездешние. Её глаза были синими, как лёд. В них не было ничего человеческого. Только расчёт. Только власть. И этот холод ударил его сильнее, чем ветер с пустыря. Егор понял: она не добрая. Она опасная. Но она обещает силу. И она знает, о чём говорит.

Видение исчезло. Остался только холод. И голос.

— Я могу сделать тебя сильным. Ты перестанешь быть презируемым.

Пауза. Он не дышал.

— Я помогу тебе победить их. Всех, кто тебя бил. Всех, кто тебя бросил. Ты больше не один.

Холод её голоса обжигал, но в нём звучала странная, невозможная нежность, не человеческая, а та, что бывает у стали, которая не предаст. Страх боролся в нём с голодом. Она ждала, не давая. Медленный, длинный выдох. Пар изо рта. Сердце замедлилось. Челюсть расслабилась. Он не ответил. Просто стоял и смотрел в темноту, и в его голове крутились два слова, «Егор» и «сильным», и они не уходили.

Сделка не заключена. Но предложение сделано. Он услы-

шал. Он понял. Он остался.

И она знала: он скажет «да». Не сегодня. Но скоро. Потому что он был таким же, как она когда-то. Одиноким. Брошенным. Готовым на всё ради шанса.

А она была готова ему этот шанс дать.

Глава 4.

Егор не чувствовал пальцев. Они просто перестали существовать, будто холод сожрал их, а вместе с ними и надежду найти хоть что-то ценное до темноты. Он сидел на корточках у груды металлолома уже битый час: списанные трубы, мятые остовы, ржавое железо. Утро выдалось паршивым: с неба сыпалась ледяная крупа, ветер задувал за шиворот, и каждый вдох отдавался болью в пустом желудке.

Перебирал руками мусор. Крышки, гнилые доски, осколки стекла, ничего. Заставлял себя дышать медленно, но голод скручивал живот всё туже. Если ничего не найти, вечером придётся возвращаться к Жеке с пустыми руками. Жека спросит: «Где металл?» И Егор не сможет ответить. Он помнил, чем это кончается: сапогом в живот и булкой, брошенной на пол.

Когда надежда почти иссякла, Егор дёрнул очередную трубу. Та не поддалась, зацепилась за что-то. Наклонившись,

он разгрёб сверху консервные банки и замер. На него смотрел насос. Ручной, для воды. Чугунное основание, рычаг. Ржавый, но целый.

Качнул рычаг. Тот поддался с металлическим скрипом. Внутри зашипел воздух. Живой.

Сердце стукнуло сильнее. В голове уже зазвенели монеты. Прикинул в уме: за чугун дадут рублей сорок. Неделя еды. Можно будет купить хлеб. Наестся до отвала. Он уже видел это: тёплый мякиш, хрустящая корка. Слюна наполнила рот. Впервые за несколько дней ему показалось, что удача на его стороне.

На секунду ему показалось, что он чувствует запах тёплого хлеба, не здесь, не на свалке, а там, у ларька, куда он мог бы пойти сразу после барыги. Запах был таким сильным, что перебил даже вонь «медицинки». Желудок сжался. Он сглотнул пустую слюну.

И тут внутри кольнуло.

Не боль, сигнал. Холодный, собранный. Голос. Теперь он узнавал его сразу. Не просто холод, а её холод. Он уже отличал его от обычного озноба.

— Не продавай.

Егор замер. Язык привычно ткнулся в золотой зуб. Голос звучал не снаружи, а внутри, под челюстью, в виске. Без интонаций, без эмоций. Как льдина.

— Это актив. Сдавай в аренду.

— Чего? — сказал Егор вслух, хотя мог просто подумать.

Он ещё не привык говорить с ней молча.

— Продашь раз, получишь один раз. Сдашь каждый день, получишь каждый день.

Он не знал такого слова, «аренда». Но понял. Насос качает воду. На свалке вода далеко: колонка в километре, и к ней вечно очередь. Бабы с вёдрами ходят, пацаны носят за деньги.

Но это же долго. Деньги нужны сегодня. Живот скрутило от голода. Хотел возразить. Хотел продать и забыть. Затариться хлебом до отвала, как он делал всегда. Но голос не давал. Он висел в голове, холодный и уверенный, и Егор никак не мог от него отмахнуться.

— Быстрые деньги — слабые деньги, — добавил голос. — Сделай так, чтобы насос работал на тебя.

Егор смотрел на чугунную тяжесть. Он уже видел в уме, как тащит его к барыге, получает мятые бумажки и наедается до отвала. Это было просто. Понятно. Но голос звучал уверенно. Так же, как в тот раз, когда обещал ему силу и сытость. И страх перед Жекой исчез. Может, и здесь не обманет.

Вздохнул и поднял насос. Тяжёлый. В голове уже крутилось: завтра с утра пойти к пацанам и сказать: воду качаю, пятак за ведро. Если получится, будет с чем идти, а не с пустыми руками.

Насос оттягивал руки, чугунное основание било по коленям на каждом шагу. Ветер швырял в лицо ледяную крупу,

и Егор почти ничего не видел. Представлял, как придёт к мужикам, и те поднимут его на смех. «Аренда? Ты где таких слов нахватался?» Может, стоило пойти к Губе? Продать, получить деньги и забыть. Но внутренний холод напоял своё. Сжимал челюсть и шёл дальше, к частному сектору, где всегда кто-то крутился: шабашники, строители, мужики с тележками.

Дядю Мишу увидел издалека. Тот сидел на перевёрнутом ящике у стройки и курил, глядя на ржавое ведро. Ветер донёс запах дешёвого табака, резкий, но почти уютный.

— Чё, Коготь, железо таскаешь? — хмыкнул дядя Миша.

— Насос, — сказал Егор. — В аренду.

Мужик удивлённо поднял бровь, потом заржал, не зло, но громко.

— В аренду? Ты где таких слов нахватался? Арен-да... Ишь ты, деловой. Ну давай, почём твой бизнес? Сорок дам. Хорошая цена.

Внутри кольнуло. «Назови цену выше», — шепнул голос.

— Не продаю, — сказал Егор, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Сдаю. Тридцать в день.

Дядя Миша перестал смеяться. Смотрел на Егора не зло, но оценивающе. Ждал, дрогнет ли. Егор чувствовал, как сердце колотится где-то в горле. В висках стучало. Но он не отвёл взгляд.

«Стой на своём», — прошелестел холод.

— Двадцать пять, — сказал Егор и сам удивился, как

жёстко это прозвучало.

Мужик крикнул и полез в карман.

Сбоку, у ржавого остова, торчал пацан лет десяти, босой, с ведром. Смотрел молча, как Егор берёт деньги. Егор заметил его краем глаза, но не повернулся.

Дядя Миша протянул мятые купюры. Пальцы Егора дрогнули, когда он брал деньги, не от холода, а от напряжения, которое наконец отпустило. Сжал бумажки в кулаке и почувствовал не просто тяжесть в ладони, а вес, странную, новую тяжесть якоря, словно он наконец-то за что-то зацепился в этом мире. Дядя Миша качнул рычаг, механизм дёрнулся, зашипел воздухом, поршень ходил свободно. «Работает», — кивнул он.

Егор развернулся и пошёл прочь. Пальцы всё ещё дрожали. Он только что продал воздух. И получил за него деньги. В голове звенела пустота, там, где только что был голос.

Утро следующего дня выдалось тихим и ясным. Дождь прекратился. Егор шёл к стройке легко, не спеша, перепрыгивая через лужи. Вчера он впервые наелся за чёрт знает сколько времени. Хлеб оказался чёрствым, но это был его хлеб. Купленный на свои деньги. Заработанный не горбом, а головой.

Дядя Миша уже сидел на своём ящике. Увидел Егора, кивнул и молча полез в карман.

— Давай насос. Ещё на день беру.

Протянул две мятые десятки без разговора. Без торга. Без

смеха.

Егор взял бумажки. Они были тёплые, нагретые телом мужика. Отдал насос. Всё просто. Как будто так было всегда. Внутри снова шевельнулся холод, и голос произнёс:

— Это называется повторяющийся доход. Ты создал поток.

Егор стоял и смотрел на бумажки в руке. Он мог купить хлеб или что-то ещё. Мог вообще не тратить, а оставить. Выбор был. Не нужда, выбор. Он не голоден сегодня. Он не должен никому. Насос работал без него.

Вернулся в свой угол за грудой битого кирпича. Бетон под ним был холодный, но сухой. Достал из кармана мятую купюру и две десятки, разложил их открыто на бетоне, маленькую кучку.

Провёл пальцем по краю верхней купюры, расправил загнутый угол, прижал ладонью. Бумага была плотной и чуть шершавой, не то что мятые бумажки, которые он раньше отдавал Жеке.

Сидел и смотрел на них. И впервые в жизни не боялся, что сейчас из-за спины выскочит Жека или кто-то ещё и всё отнимет.

Внутри шевельнулся холод.

— Это твой первый актив, — произнесла Эвелин.

— Я понял, — сказал он одними губами. В челюсти на секунду потеплело, как будто она кивнула. И тут же холод отступил, оставив после себя странное, почти забытое чув-

ство, как будто кто-то погладил по голове.

Он просто сжал деньги в кулаке и почувствовал ту же самую тяжесть якоря, ощущение того, что он наконец-то за что-то зацепился и перестал дрейфовать по ветру. Внутри тепло. Снаружи холод. И впервые за долгое время он не боялся, что это тепло отнимут.

Он не знал слова «уверенность». Но его спина и то, как спокойно лежала его рука на колене, говорили об этом лучше любых слов.

Он просто был. И этого было достаточно.

За стеной котельной ветер гнал пустую консервную банку. Она катилась с жестяным дребезгом, удаляясь куда-то в темноту. Егор проводил её взглядом, хотя видеть не мог, только слышал.

Пока.

Глава 5.

Уверенность грела его изнутри. После двух дней с насосом Егор почувствовал: он может. Он понял, как работают деньги. Теперь он сам. Без голоса. Без холодных подсказок в челюсти. Насос был его. Он решил продать.

Барыга сидел на пустыре за ржавым гаражом. Крупный мужик в телогрейке. Спокойный, как бетонная плита. Зва-

ли его Губа. Он скупал металл, иногда краденое. Никогда не торговался. Просто кивал или мотал головой.

Егор подошёл. Насос поставил перед собой.

— Продаю, — сказал он. Голос звучал ровно. Почти как у неё.

Губа лениво глянул на насос. Качнул рычаг. Сплюнул.

— Сорок.

Егор знал: это мало. Но хотелось быстро. Хотелось доказать, что он сам.

— Шестьдесят, — сказал он.

Губа поднял глаза. Медленно. Долго смотрел.

— Шестьдесят, — повторил он без интонации. Потом полез в карман.

Егор увидел купюры. Мятые, настоящие. Сердце стукнуло. Губа протянул деньги. Егор взял. Бумажки легли в ладонь, тёплые, шершавые. Он отдал насос.

Всё. Сделка.

Он уже повернулся уходить, когда рука Губы легла ему на плечо. Тяжёлая, как кувалда.

— А теперь верни деньги, — сказал Губа тихо.

Егор замер.

— Ты мне ещё должен, пацан, — продолжал барыга. — С того раза, когда лотки алюминиевые приносил. Забыл?

Никаких лотков, никакого долга он даже вспомнить не мог, о чём речь, и открыл рот, чтобы возразить. И не успел.

Удар в живот, короткий, точный, под дых, выбил воздух

из лёгких. Диафрагма сжалась в спазме. Он попытался вдохнуть — не вышло. Воздух стоял в горле, как пробка. Только свист. В глазах потемнело, и на секунду мир исчез, сменившись звенящей пустотой. Егор согнулся пополам и рухнул в грязь.

Губа вытащил купюры из его разжатой ладони. Поднял насос. Ушёл, не оглядываясь. Шаги Губы хрустели по щебню — не торопясь, тяжело. Егор слышал каждый. Когда они стихли, стало ещё хуже.

Егор лежал на земле. Рот открыт. Грязь на губах. Боль волной, вдохнуть не мог. Перед глазами плыло серое небо.

Внутри тишина. Потом холод.

— Я предупреждала, — сказал голос. Голос звучал как биржевой отчёт, никаких эмоций, только констатация факта.

Пустая ладонь сжалась сама собой. Там, где только что были деньги, теперь была только грязь. И тишина внутри, которая была громче любого голоса.

Подняться удалось не сразу: сначала руки в грязь, потом колени. Живот горел. Во рту вкус железа. Лицо он вытер рукавом, не чувствуя холода. Толстовка промокла насквозь.

Пошёл.

Ноги несли сами. Через пустырь, мимо груд мусора, туда, где за старыми вагонами горел костёр. Там была община Зойки. Он не думал, зачем идёт именно туда. Просто идти больше было некуда.

Зойка стояла у костра и, не глядя, помешивала варево

в закопчённом котелке, просто чтобы занять руки. Увидела его. Замерла. Глаза сузились.

— Кто? — спросила она. Без жалости. Без страха. Просто вопрос.

Егор молчал.

— Кто тебя? — повторила она, ставя котелок на землю.

— Барыга, — выдавил он. — Губа.

Зойка кивнула, будто ожидала.

— Ну и дурак, — сказала она ровно. — К Губе только дураки ходят. Ты думал, ты умнее всех?

Егор вскинулся. Боль в животе полоснула, но он сжал зубы.

— А ты кто такая? — огрызнулся он. — Возишься со слабыми, как курица с цыплятами. Толку-то? Сдохнут, другие придут.

Зойка шагнула к нему. Близко. Егор увидел ожог у неё на щеке, она не прятала его сейчас.

— Я та, кто не даёт слабым сдохнуть, — сказала она тихо. — А ты кто? Пришёл, нос задрал, как будто ты теперь не с нами. А сам в грязи лежишь.

Он не ответил.

— Ты думаешь, если у тебя получилось раз, ты теперь круче всех? — продолжала она. — Ты один. И когда тебя бьют, никто за тебя не заступится. Понял?

— Мне никто не нужен, — сказал Егор.

— Ну да, — она усмехнулась. — Вижу. Стоишь тут. Гряз-

ный. Без ничего. И врѣшь.

Внутри шевельнулся холод.

— Она не враг, — произнесла Эвелин. — Но она не союзник. Пока.

Егор не ответил ни ей, ни Зойке.

Зойка покачала головой. Взяла котелок, ложку. Ушла в вагон, не оглянувшись.

Егор остался у костра. Сел на корточки. Пламя дрожало. От костра тянуло дымом и чем-то съестным — не супом, а просто варёным зерном. Желудок сжался. Он не просил. Грязь на руках подсыхала и трескалась.

Зойка вернулась быстро. Он не слышал шагов, только тень упала на костёр.

— Пойдём, — сказала она. — Есть у нас один человек. Он посмотрит.

— Я не болен.

— А я не спрашивала. Лежишь в грязи, ходишь скрюченный. Надо посмотреть. Вставай.

Она развернулась и пошла, не оглядываясь. Егор поднялся. Живот ныл, но двигаться уже мог. Пошёл следом.

Вагончик стоял на отшибе. Старый, облезлый, с заколоченным окном. Железная дверь скрипнула, пропуская их внутрь. Спёртый, тяжёлый воздух пахнул в лицо. Горела керосинка. Пахло кислотой, старым металлом, сухими травами. На столе груда инструментов: пинцеты, лупа, обломки тиглей, какие-то склянки с мутной жидкостью.

За столом сидел старик. Он не повернулся на звук шагов. Левый глаз затянут бельмом. Пальцы перебирали инструменты быстро, точно, каждая фаланга знала своё дело.

— Костик, — сказала Зойка. — Осмотри его. Приложили.

Костик отложил пинцет. Протянул руку не на шаривая, а точно, словно видел. Сухие пальцы с жёлтыми ногтями сомкнулись на подбородке Егора. Тот дёрнулся, но старик держал крепко, не давая вырваться.

Пальцы прошли по челюсти. По скуле. По нижней дуге. Подушечки скользнули по зубам быстро, профессионально. Наткнулись на золотой зуб. И замерли.

И в этот момент Егор почувствовал не просто холод. На грани восприятия, как тень от облака, мелькнуло видение: женский силуэт у панорамного окна, высотки за стеклом, запах дорогих духов. И на грани слуха — обрывок её голоса, не слова, а интонация: холодная, приказная, та самая, которой она говорила с ним в первый раз. Видение было чужим, не его, и от этого жутким. Вспыхнуло и исчезло, как будто кто-то на секунду включил и выключил чужую память. Сердце пропустило удар.

Тишина стала густой, как вода. Пальцы не двигались. Старик не дышал.

— Это золото не твоё, — сказал он тихо. Голос был сухой, как шорох наждачной бумаги. — Я знаю этот металл. Я его уже плавил. Давно. Очень давно.

Егор попытался вырваться. Рука Костика не пустила.

— Тот, кто его носил, не расставался с ним добровольно, — продолжил он. — Этот металл... он особенный. Он помнит. Если оно пришло к тебе, не думай, что ты выбрал. Это оно выбрало тебя.

Егор рванулся снова. На этот раз вырвался. Отступил к двери. Спина вжалась в холодное железо. Сердце колотилось где-то в горле.

Внутри холод. Густой, колючий, растекающийся от челюсти к виску. Эвелин молчала. Но он чувствовал: она слышала каждое слово. Её страх, холодный, металлический, впервые стал реальным, осязаемым, как этот зуб у него во рту. На миг золото обожгло десну — не теплом, а жаром, как будто она пыталась закрыть ему рот. Или себе.

Дверь вагончика хлопнула за спиной. Егор не помнил, как пересёк пустырь. Ноги сами несли его прочь от керосинового запаха, от сухих пальцев, от голоса, который называл золото чужим.

Он остановился только у груды битого кирпича. Сел на холодную землю. Прижал ладони к лицу. Пальцы дрожали. Ночь стояла тихая, безветренная. Только пар изо рта и стук сердца в висках.

Внутри молчание.

— Ты здесь? — спросил он беззвучно.

Она не ответила сразу. Он чувствовал её, холодную, сжавшуюся, как пружина. Она ждала.

— Он знает? — спросил Егор. — Знает, что ты здесь?

Тишина. Потом голос, тише обычного, без привычного металла:

— Он знает только, что это золото не простое. Этого достаточно, чтобы он стал опасен. Оставь его в покое, он не тронет тебя. Но он не должен узнать больше.

Егор слушал. Раньше она говорила как приказ. Сейчас как предупреждение. И под холодом он услышал то, чего не было раньше: страх. Не за себя. За него.

— Ты боишься, — сказал он.

Она не ответила.

Темнота сгустилась. Егор не двигался. Холод земли поднимался сквозь штаны, но он не замечал. Внутри было тихо, как не было с того утра, когда он нашёл золотой мост в медицинских отходах.

Эвелин молчала. Но он чувствовал её. Не голос — присутствие. Она сжалась где-то глубоко, в челюсти, в виске, и ждала. Не давила. Не просчитывала. Просто ждала.

Он вспомнил слова Костика. «Это оно выбрало тебя». Теперь они звучали не как проклятие, а как факт, который он не мог изменить, даже если бы захотел.

Потом слова Зойки. «Ты один». Она сказала это без злобы. Как предупреждение. Как будто знала: одиночество на свалке — это смерть. Не сразу. Медленно. Когда некому поднять, когда упал.

Он был один. Всегда. Жека не был союзником. Барыга не был партнёром. Зойка не была другом. Только голос внутри.

Только она. И у неё тоже никого.

Он поднялся. Ноги затекли. Растёр ладони, выдохнул пар и пошёл. Не к контейнеру Жеки. К вагончику Зойки.

Шёл медленно. Мысли текли тягуче. Он не знал, что скажет. Не знал, зачем идёт. Но знал: если остаться сейчас одному, что-то внутри сломается. Не золото. Что-то другое.

Он дошёл до вагончика. Остановился у двери. Света внутри не было. Только запах трав и старого металла. Он не постучал. Просто стоял.

Потом поднял руку — медленно, как в воде. Хотел постучать.

Дверь скрипнула сама. Зойка стояла на пороге. Смотрела. Он не знал, что хочет сказать. Но он знал, что не хочет молчать. И это было важнее всего.

Глава 6.

Виктор никогда не любил ноябрь. Особенно в таких городах, где небо висело низко, как старая простыня, а воздух пах ржавчиной, соляжкой и мокрым асфальтом. Город встретил его именно так: серой взвесью, которая не была ни дождём, ни туманом. От неё не спасал ни воротник пальто, ни привычка не обращать внимания на погоду.

Он въехал в пригород на арендованной машине, неброс-

кой, без люксовых опций, с обычными, неприметными номерами. Выбирал сам, хотя мог бы попросить кого-то. Но Виктор давно не доверял посредникам то, что мог сделать сам. Выделяться он не любил. Выделяются те, кто хочет, чтобы их запомнили. Он хотел обратного.

Гостиница «Придорожная» стояла у трассы: четыре этажа, облупленный фасад, неоновая вывеска без двух букв. То, что нужно. Портье, пожилой мужчина с отечным лицом, даже не поднял глаз от журнала с кроссвордами. Виктор заплатил наличными за неделю вперёд, взял ключ с брелоком в виде пластмассовой груши и поднялся на третий этаж. Номер был стандартным: кровать, стол, лампа, запах курева, вбитый в шторы. Он запер дверь, проверил окно (открывается, третий этаж, карниз узкий), задёрнул занавески. Снял пальто, повесил на спинку стула.

Достал из портфеля карту, крупномасштабную, распечатанную ещё в Нью-Йорке. Разложил на столе, разгладил ладонями. Механический карандаш с тонким грифелем. Он не пользовался красным. Красный, это эмоции. Синий, данные.

Пометки уже были. Ломбарды — семь точек, разбросанных по городу и окраинам. Скупки — ещё четыре. Он обвёл их кругами, пронумеровал. Маршрут построил ещё в самолёте: начать с крайних, двигаться к центру. Не привлекать внимания. Не задавать лишних вопросов. Просто клиент. Просто ищет подарок. Просто интересуется старым золотом.

Бумага была тонкой, почти ветхой на сгибах, он сворачивал и разворачивал её десятки раз в разных городах. Под подушечками пальцев ещё угадывались старые пометки, стёртые ластиком: Лондон, Цюрих, Гонконг. Он провёл по ним ногтем, надавил, оставил новую бороздку. Теперь здесь будет этот город.

Он откинулся на спинку стула. Светало через час. Можно лечь. Можно не ложиться. Он знал, что не уснёт. Сорок лет назад всё пошло прахом, а он до сих пор помнил тот день так, будто это случилось вчера.

Кабинет на сорок четвёртом этаже. За окном такая же серая взвесь над Ист-Ривер. Эвелин у панорамного окна, спиной к нему. Она всегда чувствовала его присутствие, но в тот раз даже не обернулась. Телефон на столе вибрировал, она не брала трубку.

— Рынок падает, — сказал он тогда.

— Знаю.

— Ты знала?

Она наконец повернулась. Глаза были холодными, синими. Но в них что-то дрогнуло.

— Я пыталась просчитать. Не успела.

Он не поверил ей тогда. И не верил сейчас. Через час рынок рухнул. Через два она была мертва. А он остался: без

денег, без имени, без будущего. В тот день он потерял всё. Его имя стало токсичным, и он пытался начать заново — в Лондоне, в Цюрихе, в Гонконге. Но тень Эвелин шла за ним по пятам. Сорок лет он жил как призрак: без дома, без семьи. Только цель. Только она.

Он ломал голову, пытался понять. Почему она не предупредила его? Почему не дала шанса? Почему выбрала золото, а не его?

Виктор снял пиджак, повесил на спинку стула. Привычным движением проверил пистолет: патрон в патроннике, как всегда. Он не помнил, когда в последний раз вынимал его. Может, никогда. Оружие было частью его, как дыхание. Положил пистолет на тумбочку и сел на кровать. Пружины скрипнули.

Металл ещё хранил тепло его тела. Виктор провёл большим пальцем по рифлёной рукояти, привычка старая, как само оружие. Этот жест успокаивал его лучше любого снотворного.

Он сложил карту, убрал в портфель. Сел, не раздеваясь. Руки на коленях. Глаза открыты.

Он не верил в удачу. Он верил в информацию. Золото не исчезает. Его переливают, дробят, прячут, но оно остаётся. Если в этом городе есть хотя бы одна коронка из того слитка, он найдёт. Если есть мастер, который помнит, он найдёт. Если есть пацан со свалки, которому повезло, он найдёт и пацана.

Утром он вышел из гостиницы. Туман висел над дорогой, смешиваясь с выхлопными газами. Виктор завёл машину и выехал в центр. Первый адрес был на окраине рынка.

Ломбард назывался «Золото-сдача». Вывеска выцвела, буквы облупились, но дверь была открыта. Внутри пахло дешёвым табаком, металлом и застарелым потом. Прилавок стеклянный, с жёлтыми разводами от чьих-то пальцев. За ним сидел пожилой мужчина в вязаной жилетке, из тех, кто проводит жизнь среди чужих вещей и чужих бед. Глаза маслянистые, бегающие. Он посмотрел на вошедшего и не поздоровался: то ли почувствовал опасность, то ли просто был невежлив. Виктора это устраивало.

Он подошёл к прилавку. Руки в карманах пальто.

— Зубные коронки. Мосты. За последние полгода. Были?

Хозяин моргнул. Пауза затянулась. Он что-то прикидывал, не ответ, а цену ответа. На прилавок легла пачка купюр. Тысячные. Банковская упаковка хрустнула под пальцами. Виктор не сводил глаз с хозяина. Тот уставился на деньги. Кадык дёрнулся.

— Вспоминай.

Тишина. Слышно было, как тикают часы где-то за занавеской, старые, механические. Хозяин облизнул губы. Его пальцы, лежавшие на прилавке, чуть дрогнули.

— Был пацан. Мелкий. Кличка, Коготь. Носил коронки, пару раз мосты. Но он не ко мне ходил. Губа его перехватывал.

— Губа, — повторил Виктор. Не вопрос. Фиксация.

— Барыга местный. На пустыре за гаражами сидит. Всё, что с помойки тащат, к нему. Я у него потом перекупаю. Но у пацана, похоже, и правда было что-то стоящее. Только я не видел.

Хозяин вдруг осёкся, словно вспомнил что-то. Виктор ждал.

— Ещё кое-что, — сказал тот тише. — Пару месяцев назад приходил человек. Не из наших. В пальто. Спрашивал то же самое. Я ему ничего не сказал. Он ушёл. Но теперь вы...

— Как он выглядел?

— Высокий. Седой. Глаза светлые. Говорил с акцентом, не нашим, иностранным.

Виктор ничего не записал. Эта информация уже была у него в голове. Кто-то ещё искал золото. Возможно, конкуренты. Возможно, кто-то из старых связей Эвелин. В любом случае это означало одно: времени меньше, чем он думал. Он слушал, не перебивая. Когда хозяин замолчал, Виктор взял деньги с прилавка, медленно, аккуратно, и убрал обратно в карман пальто. Купюры скользнули по стеклу с тихим шорохом.

— Если кому скажешь, — произнёс он, не повышая голоса, — я вернусь.

Он вышел, не оглядываясь. Дверь закрылась мягко, но хозяин ещё долго смотрел ей вслед. Он не знал, кто этот чело-

век. Но знал, что такие люди не шутят.

На улице Виктор остановился, достал блокнот в чёрной обложке. Записал: «Коготь. Губа. Пустырь за гаражами». Буквы ровные, мелкие, без наклона. Теперь оставалось найти того, кто прятал этого мальчишку.

Он завёл машину и медленно выехал с рынка. Пустырь лежал за гаражами: ржавые контейнеры, битый кирпич, маслянистые лужи. Где-то вдалеке лаяла собака, но её лай звучал глухо, как через вату. Виктор шёл не торопясь, руки в карманах пальто. Губу он заметил сразу: тот сидел на ящике у остова грузовика, пил чай из жестяной банки. Крупный, в засаленной телогрейке. Наглый. Из тех, кто привык быть самым сильным в своей клетке.

— Губа, — сказал он, остановившись в трёх шагах.

Губа поднял глаза. Не спешил. Отхлебнул чай, сплюнул.

— Ну я. Чё надо?

Барыга начал подниматься, с расстановкой, показывая, кто здесь хозяин. Виктор не шевельнулся. Когда Губа оказался на ногах, из кармана Виктора выскользнул пистолет. Он не целился, просто держал вдоль бедра. Губа замер. Чай из жестянки выплеснулся на землю, он даже не заметил.

— Пацан. Коготь. Говорят, у него во рту золото. Рассказывай.

Губа сглотнул. Спеси не осталось. Он пытался сохранить лицо, но глаза бегали.

— Ну, пацан... Я его знаю. Коготь. Пацан со свалки. Он коронки носил, хорошие. И всё время к зубу трогается, когда думает. Я сам не видел, но базарят, что у него во рту мост. Может, и правда золотой.

— Где он живёт?

— На свалке. Там у них контейнеры, где Жека верховодит. Но он и к Зойке шастает. Это община такая, в вагончике за пустырьём. Девка там верховодит.

Виктор слушал, не перебивая. Когда Губа умолк, он шагнул вперёд. Барыга отшатнулся, поскользнулся и рухнул в грязь. Пистолет исчез в кармане. Виктор развернулся и пошёл прочь. За спиной Губа что-то бубнил, то ли проклятия, то ли молитвы, но он не слушал. Теперь у него было имя, место и подозрение, что золото действительно во рту у мальчишки.

Он сел в машину и захлопнул дверцу. Стёкла запотели от дыхания. Двигатель не заводил. Достал блокнот, перечитал записи: «Коготь. Свалка. Контейнеры. Жека. Зойка. Община. Вагончик за пустырьём».

Пальцы левой руки лежали на руле, неподвижные. Правой он держал карандаш, но не писал. Мальчишка не просто носит золото. Он с ним говорит. Виктор знал это чувство. Когда-то он сам говорил с ней. Слушал её голос, выполнял её приказы, верил ей. Он был таким же, как этот пацан. Только

старше. И она предала его. Теперь она говорила с другим.

Имя «Зойка» всплыло дважды: сначала от хозяина ломбарда, потом от Губы. Оба упоминали её как ориентир, не цель, а место. Девка, которая верховодит. Если мальчишка шастает к ней, значит, там он бывает. Значит, там его можно найти. Не на свалке, где каждый чужак на виду. У костра. У вагончика.

Он не пойдёт на свалку напрямую. Слишком грубо. Слишком много глаз. Мальчишка может испугаться, залечь, сменить место. А он не должен знать, что его ищут.

Двигатель заурчал. Виктор проехал по окраине и остановился на просёлочной дороге, откуда был виден пустырь за вагонами. Заглушил мотор. Достал термос с кофе, чёрным, без сахара. Кофе был едва тёплым, но он пил его медленно, растягивая на час. Начал ждать.

Смеркалось. Девушку он увидел почти сразу: светлые волосы, платок. Зойка. Она разожгла костёр, поставила котелок. Двигалась уверенно, без суеты. Потом к костру подошёл кто-то ещё. Мальчишка. Стоял спиной. Виктор видел только силуэт: худой, угловатый, плечи подняты, не от холода, от готовности в любой момент сжаться. Ликвидный актив. Высокорисковый. Как золото в тот день, когда она сделала свою последнюю ставку. Виктор усмехнулся краем рта и сделал глоток остывшего кофе.

Голову мальчишка чуть наклонял, как будто слушал кого-то. Но рядом никого не было.

И тут до него донёлся звук. Слабый, едва различимый, не голос, а шёпот, который не мог долететь с такого расстояния. Шёпот был женским, холодным, и Виктор вздрогнул, впервые за много лет. Он узнал этот голос. Эвелин.

Сердце пропустило удар. Он сидел неподвижно, сжимая термос, и слушал. Шёпот исчез, растворился в шуме ветра. Но он знал: ему не показалось. В этом шёпоте были слова. Неразборчивые, далёкие, но она говорила. С ним. С мальчишкой. Так же, как когда-то говорила с Виктором в его нью-йоркском кабинете: коротко, властно, без сантиментов.

Туман сгущался, и костёр расплывался в нём, как жёлтое пятно. Виктор поднял воротник пальто. Холод пробирался под одежду, но он не замечал. Мальчишка стоял, чуть наклонив голову, и Виктор мог поклясться, что видел, как шевелятся его губы. Тот говорил с ней. Прямо сейчас. И она отвечала.

Он сжал термос, чувствуя, как тепло уходит сквозь металл. Сорок лет. Сорок лет он ждал. И вот она здесь, в этом забытом богом месте, в теле мальчишки, который даже не понимает, что носит.

Он смотрел, не двигаясь и не приближаясь. Запоминал. Где-то там, у костра, мальчишка трогал челюсть. Виктор не видел этого, расстояние было слишком большим. Но он знал. Он чувствовал, как тёплое золото пульсирует в такт чужому сердцу. Это было почти физическое ощущение, как фантомная боль в давно потерянной конечности.

Потом мальчишка ушёл, и девушка осталась одна. Зойка подбросила веток в костёр и села, глядя в огонь. Виктор смотрел на неё ещё минуту, запоминал лицо, осанку, манеру двигаться. Она была опасна, он чувствовал это. Не физически, по-другому. Она была лидером, а лидеры непредсказуемы.

Виктор завёл двигатель. Уехал.

Он вернулся в гостиницу, когда совсем стемнело. Поднялся в номер, не включая свет. Сел на кровать. Перед глазами всё ещё стоял силуэт мальчишки у костра. Он достал блокнот, но не стал ничего писать. Просто держал его в руках.

Сорок лет. Сорок лет он ждал этого момента. И теперь, когда он наконец нашёл её, он не знал, что будет делать дальше. Убить мальчишку? Вырвать золото? Это не вернёт её. Это не даст ответа.

Он должен поговорить с ней. Должен спросить: почему? Почему она не предупредила его? Почему оставила одного?

И ещё он должен понять, кто этот мальчишка. Почему она выбрала его. И что она ему обещала. Может быть, то же, что когда-то обещала ему: силу, власть, будущее. Может быть, он такой же дурак, каким был Виктор в его возрасте. Может быть, его тоже ждёт предательство.

В тишине номера он чуть разжал губы, не для слов, для пробы. Ты слышишь меня? Где-то в челюсти воображаемого собеседника должно было потеплеть. Тишина осталась холодной. Но он знал: она слышит. Просто молчит, как молча-

ла тогда, у окна, когда рынок падал, а она уже всё решила.

Виктор закрыл блокнот. Лёг, не раздеваясь. Завтра он начнёт с того, что найдёт старика-ювелира, о котором упоминал Губа. Если кто и знает о золоте больше, чем он сам, это Костик. А потом он решит, что делать с мальчишкой.

Он закрыл глаза. В тишине номера ему снова слышался шёпот. На этот раз он не вздрогнул. Уголок рта дрогнул, впервые за много лет.

Виктор сунул блокнот под подушку, рядом с пистолетом. Два предмета, без которых он не засыпал уже сорок лет. Один хранил информацию. Второй тишину.

Охота началась.

Глава 7.

Егор сидел на холодном бетоне, привалившись спиной к ржавой арматуре. Вокруг битый кирпич, остовы стройки, тишина. Внутри тоже тишина. Эвелин молчала. Он чувствовал её как холодное пятно в челюсти, но она не говорила ни слова.

Смотрел на свои руки. Грязные. Пустые. Те же, что нашли насос, что сжимали монеты, что потом сжимали только воздух. Сегодня они ничего не держали. Его трясло, то ли от холода, то ли от пустоты внутри. Обхватил себя руками, но

это не помогало. В челюсти тишина. Просто кусок металла во рту, холодный и твёрдый. Провёл по нему языком, чтобы убедиться: она всё ещё там. Руки пустые. Совсем. Раньше в них был насос, потом монеты, а теперь только грязь под ногтями и дрожь.

Думал о том, что, возможно, всё это было зря. Насос, аренда, голос — всё привело его обратно в грязь. Он снова на дне. Снова один. Снова никто. Может, так было всегда, а всё остальное просто иллюзия, которую он придумал, чтобы не сойти с ума? Может, голос — это просто галлюцинация голодного мозга? Может, он уже давно лежит где-то в канаве и бредит, а всё это насос, деньги, Зойка, Костик — просто сон?

Потрогал золотой зуб языком. Холодный. Настоящий. Не сон.

Слова Костика всплыли сами: «Это золото не твоё. Оно выбрало тебя». Тогда он испугался. Сейчас нет. Сейчас просто повторял их, как заклинание, пытаюсь понять, что они значат. Если золото выбрало его, значит, он не сам его нашёл? Значит, всё, что было после — голос, сделка, обещание, — не его выбор? А может, наоборот: это единственное, что выбрало его за всю жизнь. Мать не выбрала. Жека не выбрал. Зойка просто помогла, и то потому, что он пришёл сам. А золото выбрало. И это что-то значило.

А слова Зойки: «Ты один». Она сказала это без жалости, будто констатировала факт. И он не нашёлся, что ответить.

Потому что это было правдой. Он всегда был один. Даже когда рядом были люди — Мелкий, Рыло, даже дядя Миша, — он оставался один. Потому что никто не знал, что у него во рту. Никто не слышал голоса. Только он. И она.

Закрыв глаза от усталости, Егор погрузился в воспоминания. Они нахлынули разом, как ледяная вода в полынью, и каждое было острее ножа.

Сначала Жека. Контейнер, темнота, вонь гнилых тряпок и ржавого железа. Он стоит, прижавшись спиной к ржавой стенке, а Жека идёт на него, не спеша, ухмыляясь. Кулак летит снизу, в челюсть. Хруст. Вкус крови на губах. Солёный, горячий. Падает на колени, щекой в грязь. Сапог Жеки уходит в живот. Никто не заступился. Мелкий и Рыло смотрели молча, они уже видели это сто раз. Никто не сказал: «Хватит». Он сам поднялся. Вытер кровь с губы и встал. Потому что если не встанешь, затопчут насмерть. Запомнил только одно: одиночество. Абсолютное, как вакуум.

Вторым пришло воспоминание о Губе. Пустырь, серый свет, насос в руках. Деньги мятые, тёплые. Он уже поверил. А потом рука на плече, тяжёлая, как кувалда. Удар в живот, короткий, точный, под дых, выбил воздух из лёгких. Егор рухнул в грязь. Насос уходит. Губа уходит. Никто не заступился. Он лежал и смотрел в небо, и ненавидел не Губу, себя. За то, что поверил. За то, что послушался голос. Эвелин предупреждала. А он не слушал.

И наконец самое старое воспоминание, почти похоронен-

ное. Вокзал. Огромный, гулкий, полный чужих людей. В воздухе пахнет паровозным дымом, дешёвыми пирожками и карболкой. Егор стоит, держась за материнскую руку. Рука тёплая, мягкая. От неё пахнет «Красной Москвой», дешёвыми духами, от которых у него всегда щипало в носу. Этот запах он запомнил на всю жизнь.

Она приседает перед ним на корточки. Смотрит в глаза. Улыбается виноватой, измученной улыбкой.

— Я сейчас приду. Посиди здесь. Я быстро.

Он кивает. Он верит. Ей нельзя не верить. Она уходит, спина в сером пальто, и он остаётся. Сидит на скамейке, болтает ногами. Час. Два. Поезда приходят и уходят. Чужие тётки с сумками, военные с чемоданами, цыгане с детьми. Её нет. Начинает мёрзнуть. Кутается в старую куртку. Ждёт. Темнеет. На вокзале зажигаются огни. Он всё ещё верит. Он ещё не знает, что слова «я сейчас приду» иногда значат «прощай». Узнает это потом, через много лет, когда перестанет считать поезда и перестанет всматриваться в каждую женщину в сером пальто. Она ушла, не оглянувшись. Он не плакал. Он просто перестал верить в слово «сейчас». И в людей. И в тепло. И в то, что кто-то может вернуться.

Эти три воспоминания сплелись в тугой узел. Жека, Губа, мать. Три удара. Три предательства. И каждый раз он оставался один. Но сейчас, сидя в темноте с золотом во рту, он вдруг понял: он не один. Впервые в жизни. Где-то там, внутри металла, была она. И она ждала. Ждала, пока он сделает

шаг.

Злость росла не криком. Тихо. Из живота в грудь. Из груди в плечи, в руки, в пальцы. Она не требовала выплеска. Требовала шага. Решения. Не такого, как раньше, от страха. Другого.

Сжал челюсть. И в первый раз не от страха.

Темнота вокруг стояла густая, почти осязаемая. Золото во рту холодило десну, но теперь этот холод не пугал. Был знакомым. Почти своим. Егор знал: если он сейчас промолчит, если не сделает шаг, всё останется как прежде. Он будет прятаться, голодать и бояться. Всегда. Будет тем самым Когтем, которого можно ударить, ограбить, бросить. Будет никем. Смотрел в темноту и видел развилку. Одна дорога вела обратно, к Жеке, к голоду, к побоям. Другая в неизвестность, к голосу, который обещал силу, но не обещал пощады. И он выбрал.

— Учи, — сказал он вслух. Тихо, но твёрдо. Без вопроса. Без сомнения.

Тишина. Только ветер где-то снаружи шевелил ржавый лист железа и капала вода в углу, выбивая монотонный ритм по жестяной банке. Он ждал. Ничего не происходило. Металл под языком оставался куском молчаливого золота. Может, она не слышит? Может, он всё придумал? Может, никакого голоса нет, а есть только его собственное безумие? Страх начал подниматься из живота, холодный, липкий. А вдруг он сейчас сидит здесь, разговаривает с пустотой, а она

никогда не отвечала? Вдруг всё это просто игра воображения, и он действительно сумасшедший? Он почувствовал, как паника сжимает горло. Захотелось вскочить, выплюнуть золото и бежать. Но он заставил себя остаться. Заставил себя ждать. Потому что если это безумие, он всё равно уже в нём. А если нет, он должен узнать правду.

А потом что-то сдвинулось.

Сначала даже не тепло, покалывание. Сотни ледяных игл впились в десну прямо сквозь металл. Егор дёрнулся, но заставил себя сидеть смирно. Покалывание становилось сильнее, переходило в зуд, в жжение, в волну, которая прокатилась по нижней челюсти и ушла в позвоночник. Он стиснул зубы. Сердце забилося быстрее. В этот момент ему показалось, что на правое плечо легла ладонь, лёгкое, почти невесомое прикосновение. Не физическое, что-то на грани ощущения, как тень от крыла птицы. Как будто кто-то стоял рядом, в темноте, и просто молчал. Но это молчание было громче любых слов. Ответ. Она здесь. Она слышит. Она ждала, когда он скажет это слово.

Живое начало расти. Медленно, неохотно. Как будто кто-то очень осторожно лил горячую воду на замёрзший камень. Холодная тяжесть во рту начала пульсировать. Пульсация переросла в слабую вибрацию.

Тепло разлилось по нижней челюсти, поползло вверх, к скуле, к вискам, к затылку. Егор почувствовал, как согревается кожа на лице, будто изнутри включили лампу. Он за-

крыл глаза и просто дышал, позволяя теплу растекаться по телу. Оно добиралось до плеч, до груди, до самых кончиков пальцев. Холод, который он носил в себе годами, отступал. Ненадолго. Но этого хватило, чтобы почувствовать себя живым. Он слышал собственное сердце, теперь не как испуганный стук, а как ровный, мощный ритм. Слышал, как воздух входит в лёгкие и выходит обратно, как двигаются мышцы, как пульсирует кровь. Чувствовал своё тело целиком, от макушки до пят, и оно не казалось ему чужим.

А потом мир взорвался.

Звуки обрушились водопадом. Снаружи шаг по гравию, далёкий, но отчётливый, словно кто-то шёл рядом. Шорох коготков по битому кирпичу: крыса, в углу, грызёт старую кость. Гул проводов над головой, низкий и монотонный, как далёкий орган. Капли в подвале, и каждая отдельный удар маленького молоточка. Он слышал, как ветер трёт песок о ржавую арматуру, как скрипят балки, как дышит земля под фундаментом. Слышал всё. Слишком много. Слишком громко. Зажал уши, но это не помогло, звуки шли изнутри.

Запахи ударили в нос с такой силой, что он чуть не задохнулся. Мокрый цемент. Ржавчина. Кислая моча в углу. Сырая земля из-под фундамента. Тяжёлый запах гнилого дерева от старых балок. И ещё что-то сладковатое, тошнотворное, доносившееся из медицинского сектора. Он чувствовал всё одновременно, и желудок сжался в комок. Запахи были яркими, почти осязаемыми, будто он нюхал мир впервые.

Темнота больше не давила. Стала прозрачной, как вода. Он видел чётко, словно через очки ночного видения: скелет арматуры, торчащий из стены, как сломанная кость; опрокинутая бочка в хлопьях краски; гора битого кирпича с острыми гранями у входа. Видел каждую трещину в бетоне, каждую каплю влаги на ржавом железе. Мир стал резким, контрастным, оглушительным. Он больше не был слепым котёнком, который тычется в темноте. Он видел. По-настоящему.

Эвелин не заговорила так, как говорят люди. Её голос просто возник в тишине. Сухой. Механический.

— Сенсорный порог превышен. Зрительный спектр расширен. Аудиальный диапазон увеличен. — Пауза. — Это начало. Ты готов.

Егор медленно кивнул, словно принимая условия контракта, которого не читал. Он просто выдохнул. Ноги больше не дрожали от слабости. Страх исчез. Выключился. Вместо него пришло спокойствие, холодное, ясное, как вода в зимней реке. Он чувствовал, как внутри что-то перестраивается, не как механизм, а как кровь, которая возвращается в онемевшую конечность, горячая, почти болезненная, но живая.

— Я помогу тебе победить их, — добавила она. Голос стал тише, но твёрже. — Всех, кто тебя бил. Всех, кто тебя бросил. Ты больше не один.

Он закрыл глаза. Впервые за много дней ему не хотелось плакать.

Встал. Ноги слушались. Подошёл к выходу из убежища,

к дыре в бетонной стене, и выглянул наружу. Ночь над пустырём была серой и беззвёздной. Ветер гнал позёмку, и снежинки, подсвеченные далёким светом, казались рваными клочьями тумана. Где-то далеко, у гаражей, горел костёр, Губа сидел на своём месте, грел руки над огнём, те самые, что вытащили деньги из Егора. Жест был мирным, почти сонным. Егор смотрел на эти руки и не чувствовал злости. Чувствовал расчёт. Где-то ещё дальше, в городе, гудели машины и жили люди, которые никогда не узнают, что здесь, на свалке, мальчик с золотым зубом только что пересёк черту.

У гаражей стояла тень. Неподвижно. Чёрное пальто. Руки в карманах. Ветер рвал полы одежды, сдувал снег с плеч, но фигура не шевелилась. Даже не вздрагивала. Осанка чужая. Слишком прямая. Слишком уверенная. Так не стоят работяги. Так не стоят местные. Эта тень излучала спокойствие, не мирное, а хищное, как зверь, замерший перед прыжком. И от этого спокойствия Егору стало холоднее, чем от зимнего ветра.

Он вглядывался до рези в глазах, пытаясь разглядеть лицо. Но тень не подпускала. Словно сама темнота обволакивала её, прятала от чужих глаз. Егор знал: это не случайность. Этот человек здесь не просто так. Он пришёл за ним. Или за ней. Или за ними обоими.

Золото во рту обожгло холодом, резко, требовательно, как окрик. Эвелин узнала его. Или почувствовала. Она ничего не сказала, но Егор ощутил её напряжение, тугое, как сжатая

пружина. Тень была опасна. Тень была из её прошлого.

И вдруг он понял: эта тень была здесь всегда. Нет, не физически, физически он видел её впервые. Но ощущение, что за ним наблюдают, что кто-то следит, не покидало его с того самого дня, как золото заговорило. Может, этот человек ждал годами. Может, он знал о золоте больше, чем сам Егор. Может, он знал Эвелин до того, как она стала голосом. Может, это её прошлое, которое пришло за ней. И теперь за ним.

Он не знал, кто это. Не знал, что этому человеку нужно. Но чувствовал ровное, спокойное сердцебиение там, в темноте. И знал: этот человек пришёл за ним. Или наблюдает уже давно. И он не уйдёт.

Егор стоял и смотрел в темноту. Впервые в жизни не прятался. Не опускал глаза. Знал: теперь начнётся настоящая игра. И он готов. Теперь у него есть наставник. Есть сила. Есть цель. И он дойдёт до конца.

Тень не двигалась. Егор тоже. Они стояли друг напротив друга, мальчик со свалки и человек из прошлого, и между ними висела тишина, густая, как вода. Он смотрел на тень, и в голове крутилась одна мысль: он больше не жертва. Раньше бы спрятался, забился в щель, как крыса, и молился, чтобы пронесло. Но сейчас, стоя в проёме бетонной стены, он не чувствовал страха. Только холод. Тот самый, что шёл от золота. Тот самый, что теперь был частью его.

Ветер донёс запах дыма и ещё что-то, слабый, почти неуловимый аромат одеколona. Дорогого. Чужого. Такой не

купишь в ларьке у рынка. Егор запомнил этот запах. Он станет его ориентиром, когда придёт время искать этого человека. А потом услышал шаг. Один. Гравий хрустнул под подошвой, коротко, сухо, как выстрел. И снова тишина.

Тень шевельнулась, едва заметно, и Егор понял: первый ход сделан. Охота началась.

Он стоял ещё минуту, две, пока тень не растворилась в темноте, словно её и не было. Костёр у гаражей всё ещё горел, но пустырь опустел.

Егор выдохнул. Оказалось, он не дышал всё это время. Воздух вышел с паром, дрожащий, неровный. Сердце колотилось о рёбра. Но он стоял. Не спрятался. Не отвёл глаз.

Развернулся и пошёл обратно в убежище. Ноги ступали уверенно. Больше не крался, не озирался по сторонам. Шёл как хозяин. Пусть пока только этого клочка бетона и ржавого железа. Но это было начало.

Сел на свой обычный ящик и закрыл глаза. Где-то в челюсти ещё теплилось эхо недавнего тепла. Эвелин молчала, но он знал, что она здесь. Что ждёт следующего шага. И он сделает его. Завтра. А сегодня просто будет сидеть и слушать, как капает вода в подвале.

Он вспомнил, как давным-давно мать рассказывала ему сказку про мальчика, который не боялся темноты. Она говорила: «Темнота — это просто отсутствие света. А свет всегда можно зажечь». Тогда он верил ей. Теперь знал: свет можно зажечь, но он не всегда греет. Иногда он просто показывает

путь. И этого достаточно. Он не помнил, чем закончилась та сказка. Дослушать не успел, мать замолчала на полуслове, отвлеклась на что-то, а потом было уже не до сказок. Теперь он допишет её сам.

Его уже не спрятать.

Глава 8.

Свет пробился сквозь дыру в бетонной стене, серый, утренний, без тепла. Егор открыл глаза. Мир снова был громче и резче, чем вчера, но он уже почти привык.

Эвелин заговорила, как только он сел.

— Сегодня мы начинаем. Ты пойдёшь на свалку и просто будешь смотреть. Не искать металл, не договариваться, не драться. Смотреть и запоминать: кто с кем говорит, кто кому носит, кто отворачивается, кто улыбается фальшиво.

Егор потёр лицо ладонями.

— Зачем?

— Информация — это актив. Ты не знаешь, сколько она стоит, пока не продашь. Сегодня ты учишься собирать.

Он не ответил. Внутри ещё держалась тревога: фигура у гаражей не шла из головы. Кто это был? Что ему нужно? Но голос звучал сухо и уверенно, как всегда. Егор поднялся. На-

тянул мокрую толстовку. Язык привычно ткнулся в золото, холодное, молчаливое.

Он вышел из убежища и направился к свалке. Внутри было пусто, как в первый раз. Но теперь он знал: пустота не всегда означает отсутствие. Иногда это пространство для наблюдения.

Свалка встретила его привычным запахом гари и гнилья, но теперь каждый запах был отдельным. Мокрый картон. Ржавое железо. Кислый дым из трубы котельной за пустырьём. Раньше всё это сливалось в один фон. Теперь раскладывалось по полкам. Он чувствовал, как нос сам сортирует запахи, один за другим, словно карточки в картотеке. Этот навык всё ещё был новым, и Егор не до конца ему доверял. Но он учился.

Егор шёл медленно. Руки в карманах. Взгляд скользил, не цепляясь.

Первое, что он заметил, — Жека. Тот стоял у ржавого контейнера и разговаривал с мужиком с тележкой. Только это был не разговор. Жека смотрел в землю. Плечи опущены. Мужик говорил, а Жека кивал. Не так, как кивают равному, быстро, мелко, заискивающе. Потом мужик ушёл, а Жека вытер лоб рукавом.

В животе у Егора что-то сжалось. Не страх, а другое. Жека, который выбил ему зуб, отнимал еду и швырял объедки на пол, стоял и трясся перед каким-то мужиком. Мир перевернулся. Егор смотрел и чувствовал, как внутри, под рёбра-

ми, холодеет. Это было презрение. Или нет, что-то, чему он ещё не знал названия. Нечто среднее между беззгливостью и холодным, расчётливым интересом. Он запоминал каждую деталь: как Жека переминается с ноги на ногу, как его пальцы теребят край грязной куртки, как он не смеет поднять глаза. Это был не просто страх. Это был страх, смешанный с унижением. И Егор понимал: унижение — это рычаг.

Он задержал взгляд на Жеке дольше, чем нужно. Тот почувствовал, обернулся, встретился с Егором глазами. В его лице мелькнуло что-то, чего Егор никогда раньше не видел. Не злость. Не угроза. Неуверенность. Словно Жека вдруг понял, что Коготь смотрит на него иначе, чем раньше. Не снизу вверх. А сверху. Жека отвёл взгляд первым. Это была секунда, но Егор её запомнил.

Второе — Мелкий. Тот крался вдоль груд мусора с кульком в руке. Егор знал этот кулёк, в таких носили еду. Но Мелкий шёл не к контейнеру Жеки. Он свернул за гаражи, к пустырю. К Губе. Нёс еду не своим, а чужому. И делал это тихо, оглядываясь. Значит, в тайне от своих. Егор прищурился, зрение теперь позволяло разглядеть даже мелкие детали на расстоянии. Мелкий нервничал: плечи напряжены, шаг неровный, он то и дело озирался через плечо. Он боялся, что его заметят. И это значило, что он делал что-то запретное.

Егор прикинул: если Мелкий носит Губе еду, значит, у них есть договорённость. Может, Губа платит ему. Может, Мелкий хочет сместить Жеку и ищет союзников на стороне.

Может, просто подрабатывает втайне. В любом случае, это была информация. И её можно было использовать. Эвелин внутри молчала, но он чувствовал её одобрение, лёгкое, едва заметное.

Третье — Рыло. Тот спал не в контейнере, не у костра. Егор заметил его в закоулке у гаражей, на поддоне, под куском фанеры. Рыло лежал, свернувшись, и не спал, а просто лежал с открытыми глазами. Прятался. От кого? От Жеки? От всех? Его поза была позой загнанного зверя: колени подтянуты к груди, руки обхватывают плечи, голова вжата в воротник. Он не двигался, но глаза были открыты и смотрели в одну точку. Егор узнал этот взгляд. Так смотрят люди, которые уже сдались.

Егор остановился. Что-то кольнуло. Он сам так лежал. В первую зиму. Когда ещё не знал, кто главный, и прятался ото всех. Прятаться, это не слабость. Это когда тебя уже сломали, а ты ещё не понял. Он смотрел на Рыло и видел себя. Того, прежнего. Слепого. И где-то внутри шевельнулось странное чувство, не жалость, а скорее узнавание. Как будто он смотрел в зеркало, которое показывало прошлое.

Он задумался. Рыло был слабым звеном, самым слабым во всей стае. Но слабость не всегда недостаток. Слабого можно защитить. А защищённый становится верным. Эвелин говорила: «Верность — это актив. Один из самых дорогих». Если он подберёт Рыло, если даст ему то, чего не дал Жека, защиту, еду, ощущение, что он кому-то нужен, Рыло станет

его. Не из страха. Из благодарности. А благодарность держит крепче страха.

Егор отвёл взгляд. Не анализировал. Просто запоминал. Как учили.

Через полчаса он вернулся в убежище и сел, привалившись спиной к холодной стене. Дыхание выровнялось. Он закрыл глаза и начал перечислять. Без эмоций. Как она учила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.